

241. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ДОГОВОРА 1955 ГОДА О ДРУЖБЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И КОНСУЛЬСКИХ ПРАВАХ (ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН *против* СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) [ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ]

Резюме решения от 3 февраля 2021 года

3 февраля 2021 года Международный Суд вынес решение о предварительных возражениях, выдвинутых Соединенными Штатами Америки по делу «Предполагаемые нарушения Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах (Исламская Республика Иран против Соединенных Штатов Америки)». Суд установил, что на основании пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года он обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления, поданного 16 июля 2018 года Исламской Республикой Иран, и что указанное заявление является приемлемым.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судьи *ad hoc* Брауэр, Момтаз; Секретарь Готье.

*

* *

История судопроизводства (пп. 1–23)

Суд начинает с упоминания о том, что 16 июля 2018 года Исламская Республика Иран (далее именуемая «Иран») подала заявление о возбуждении дела против Соединенных Штатов Америки (далее именуемые «Соединенные Штаты») в связи со спором, касающимся предполагаемых нарушений Соединенными Штатами Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, который был подписан этими двумя государствами в Тегеране 15 августа 1955 года и вступил в силу 16 июня 1957 года (далее именуемый «Договор о дружбе»).

В своем заявлении Иран пытался обосновать юрисдикцию Суда пунктом 1 статьи 36 Статута Суда и пунктом 2 статьи XXI Договора 1955 года. В тот же день Иран подал просьбу об указании временных мер.

В постановлении от 3 октября 2018 года Суд указал следующие временные меры:

«1) Соединенные Штаты Америки в соответствии со своими обязательствами по Договору 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах должны любыми средствами по своему усмотрению устранить всякие препятствия, возникающие из-за объявленных 8 мая 2018 года мер для свободного ввоза на территорию Исламской Республики Иран:

- i) лекарств и медицинских устройств;
  - ii) продуктов питания и сельскохозяйственных товаров; и
  - iii) запасных частей, оборудования и сопутствующих услуг (включая услуги, связанные с гарантийным и техническим обслуживанием, ремонтом и осмотром), необходимых для безопасности гражданской авиации;
- 2) Соединенные Штаты Америки должны обеспечить, чтобы выдавались лицензии и необходимые разрешения и чтобы платежи и другие переводы средств не подпадали под какие-либо ограничения в той мере, в какой они относятся к товарам и услугам, упомянутым в пункте 1);
  - 3) обе стороны должны воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор, находящийся на рассмотрении Суда, или затруднить его урегулирование».

23 августа 2019 года Соединенные Штаты выдвинули определенные предварительные возражения.

I. Обстоятельства дела (пп. 24–38)

В настоящем разбирательстве Иран заявляет о нарушении Соединенными Штатами Договора о дружбе, который был подписан сторонами 15 августа 1955 года и вступил в силу 16 июня 1957 года. Сторонами не оспаривается, что на дату подачи заявления, а именно 16 июля 2018 года, Договор о дружбе был в силе. В соответствии с пунктом 3 статьи XXIII Договора о дружбе, «одна из Высоких Договаривающихся Сторон может, письменно уведомив другую Высокую Договаривающуюся Сторону за один год, прекратить действие настоящего Договора в конце первоначального десятилетнего периода или в любое время после этого». Дипломатической нотой от 3 октября 2018 года, направленной Государственным департаментом Соединенных Штатов в Министерство иностранных дел Ирана, Соединенные Штаты, в соответствии с пунктом 3 статьи XXIII Договора о дружбе, представили «уведомление о прекращении действия Договора».

Что касается событий, составляющих фактическую сторону дела, то Суд напоминает, что Иран является участником Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года. Согласно статье III этого Договора, каждое из государств — участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством по атомной энергии (далее именуемое «МАГАТЭ»), исключительно с целью проверки выполнения его обязательств, принятых в соответствии с Договором, «с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства». Соглашение между Ираном и Агентством о применении гарантий в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия действует с 15 мая 1974 года.

В докладе от 6 июня 2003 года Генеральный директор МАГАТЭ заявил, что Иран не выполнил свои обязательства по Соглашению о гарантиях. В 2006 году Совет управляющих Агентства обратился к Генеральному директору с просьбой доложить об этом Совету Безопасности Организации Объединенных Наций. 31 июля 2006 года Совет Безопасности, действуя на основании статьи 40 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, принял резолюцию [1696 \(2006\)](#), в которой с серьезной озабоченностью отметил решение Ирана возобновить деятельность, связанную с обогащением, и потребовал приостановить всю его деятельность, связанную с обогащением и переработкой, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ.

23 декабря 2006 года Совет Безопасности, действуя на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, принял резолюцию [1737 \(2006\)](#), в которой с серьезной озабоченностью отметил, в частности, что Иран не осуществил «полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, связанных с обогащением и переработкой и упомянутых в резолюции [1696 \(2006\)](#)». В резолюции [1737 \(2006\)](#) Совет Безопасности потребовал, чтобы Иран приостановил всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ. Совет далее постановил, что все государства должны принять необходимые меры для предотвращения поставки, продажи или передачи всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать ядерной деятельности Ирана. Впоследствии Совет Безопасности принял дополнительные резолюции по иранскому ядерному вопросу в 2007, 2008, 2010 и 2015 годах.

26 июля 2010 года Совет Европейского союза принял решение 2010/413/CFSP, а 23 марта 2012 года — постановление № 267/2012 о связанных с ядерной областью «ограничительных мерах против Ирана», предусматривающих запрет на экспорт вооружений, ограничение финансовых операций, замораживание активов и ограничение поездок для определенных лиц.

Соединенные Штаты своими президентскими указами 13574 от 23 мая 2011 года, 13590 от 21 ноября 2011 года, 13622 от 30 июля 2012 года, 13628 от 9 октября 2012 года (разделы 5–7 и 15) и 13645 от 3 июня 2013 года ввели ряд «дополнительных санкций», связанных с ядерной областью, в отношении различных секторов экономики Ирана.

14 июля 2015 года Германия, Китай, Российская Федерация, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Франция, Высокий представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности и Иран согласовали Совместный всеобъемлющий план действий (далее именуемый СВПД) в отношении ядерной программы Ирана. Заявленная цель этого документа — обеспечить исключительно мирный характер ядерной программы Ирана и привести к «всеобъемлющей отмене всех санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, а также многосторонних и национальных санкций, касающихся иранской ядерной программы». 20 июля 2015 года Совет Безопасности принял резолюцию [2231 \(2015\)](#), в которой одобрил СВПД и настоятельно призвал к его «полному осуществлению в сроки, установленные в [нем]».

В СВПД, в частности, описаны шаги, которые должен предпринять Иран в установленные сроки в отношении согласованных ограничений на все работы по обогащению урана и деятельность, связанную с обогащением урана, и рассматривается сотрудничество

Ирана с МАГАТЭ. В Плате предусматривается прекращение действия всех санкций, принятых соответственно Советом Безопасности и Европейским союзом, а также прекращение применения некоторых санкций Соединенных Штатов.

16 января 2016 года президент Соединенных Штатов издал президентский указ 13716 об отмене ряда предыдущих президентских указов, касающихся введенных против Ирана или иранских граждан «санкций, связанных с ядерной сферой», или внесении изменений в эти президентские указы.

8 мая 2018 года президент Соединенных Штатов издал президентский меморандум по национальной безопасности, в котором объявил о прекращении участия Соединенных Штатов в СВПД и распорядился о повторном введении «санкций, снятых или отмененных в связи с СВПД». В Меморандуме президент Соединенных Штатов указал, что иранские или поддерживаемые Ираном силы участвуют в военных действиях в прилегающем регионе и что Иран остается государством — спонсором терроризма.

6 августа 2018 года президент Соединенных Штатов издал президентский указ 13846, повторно вводящий «определенные санкции» в отношении Ирана, его граждан и компаний. Ранее принятые президентские указы о выполнении обязательств Соединенных Штатов в рамках СВПД были отменены.

*

Суд напоминает, что Соединенные Штаты выдвинули пять предварительных возражений. Первые два касались компетенции Суда *ratione materiae* рассматривать дело на основании пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе. В третьем возражении оспаривалась приемлемость заявления Ирана по причине предполагаемого злоупотребления процессуальными нормами и по соображениям судебной этики. Последние два возражения основаны на подпунктах *b)* и *d)* пункта 1 статьи XX Договора о дружбе. Хотя, по мнению Ответчика, они не относятся ни к юрисдикции Суда, ни к приемлемости заявления, Ответчик просит принять по ним решение до начала дальнейшего разбирательства по существу.

Суд начинает с рассмотрения вопросов, связанных с его юрисдикцией.

II. Юрисдикция Суда ratione materiae на основании статьи XXI Договора о дружбе (пп. 39–84)

Суд отмечает, что Соединенные Штаты оспаривают юрисдикцию Суда в отношении рассмотрения заявления Ирана. Соединенные Штаты утверждают, что рассматриваемый Судом спор не подпадает под действие *ratione materiae* пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе — основания, упомянутого Ираном, — который предусматривает следующее:

«Любой спор между Высокими Договаривающимися Сторонами относительно толкования или применения настоящего Договора, не урегулированный дипломатическим путем к удовлетворению сторон, должен быть представлен на рассмотрение Международного Суда, если стороны не согласятся на его разрешение каким-либо иным мирным способом».

Суд отмечает, что, по мнению Ответчика, спор, который Иран пытается передать на рассмотрение Суда, выходит за рамки оговорки об арбитраже по двум причинам, которые, по мнению Ответчика, являются альтернативными по своему характеру.

Во-первых, Соединенные Штаты утверждают, что «истинным предметом данного дела является спор о применении СВПД — документа, совершенно отличного от Договора о дружбе и не имеющего к нему никакого отношения». Поэтому, по мнению Ответчика, предметом спора, который Иран стремится разрешить в Суде, не является вопрос «толкования или применения [...] Договора» в значении второго пункта статьи XXI, процитированного выше.

Во-вторых, Соединенные Штаты утверждают, что подавляющее большинство мер, оспариваемых Ираном, не подпадают под действие *ratione materiae* Договора о дружбе, поскольку они касаются в основном торговли и сделок между Ираном и третьими странами или их компаниями и гражданами, а не между Ираном и Соединенными Штатами или их компаниями и гражданами.

Суд начинает с рассмотрения первого из этих двух возражений, которое, если оно будет обоснованным, приведет к тому, что все претензии Ирана окажутся исключенными из юрисдикции Суда; затем, при необходимости, Суд рассмотрит второе возражение, которое касается только большинства, а не всех оспариваемых заявлений.

1. Первое предварительное возражение в отношении юрисдикции: предмет спора (пп. 42–60)

Суд отмечает, что стороны не оспаривают наличие спора между ними, но расходятся во мнениях относительно того, касается ли этот спор толкования и применения Договора о дружбе, как утверждает Иран, или исключительно СВПД, как утверждают Соединенные Штаты. В последнем случае спор не будет подпадать под действие *ratione materiae* арбитражной оговорки Договора о дружбе.

Как Суд неоднократно напоминал, несмотря на справедливость утверждения о том, что в соответствии с пунктом 1 статьи 40 Статута заявитель должен указать Суду, что он считает «предметом спора», именно Суд должен определить с учетом представлений сторон предмет спора, находящегося на его рассмотрении.

Суд определяет предмет спора «на объективной основе», «уделив особое внимание формулировкам спора, данным заявителем». Для определения предмета спора Суд основывается на заявлении, а также на письменных и устных состязательных документах сторон. В частности, он принимает во внимание факты, которые заявитель указывает в качестве основания для своей претензии.

Суд отмечает, что в данном деле, согласно материалам, представленным в заявлении и меморандуме, Иран, по сути, добивается того, чтобы Суд объявил, что меры, введенные в соответствии с решением Соединенных Штатов, принятым в президентском меморандуме от 8 мая 2018 года, нарушают ряд обязательств Соединенных Штатов по Договору о дружбе, и, следовательно, чтобы была восстановлена ситуация, предшествовавшая этому решению. Соединенные Штаты возражают против утверждения о том, что оспариваемые меры представляют собой нарушение Договора о дружбе. Таким образом, существует

расхождение во мнениях, которое представляет собой спор, связанный с Договором о дружбе.

По мнению Суда, справедливо утверждение о том, что этот спор возник в конкретном политическом контексте — в связи с решением Соединенных Штатов выйти из СВПД. Однако Суд напоминает, что, как он уже имел возможность заметить:

«[Правовые] споры между суверенными государствами по своей природе могут возникать в политическом контексте и часто являются лишь одним из элементов более обширного и длительного политического спора между соответствующими государствами. Однако никогда ранее не выдвигалось мнение о том, что, поскольку правовой спор, переданный в Суд, является лишь одним из аспектов политического спора, Суд должен отказаться решать за стороны правовые вопросы, возникающие между ними». *Дипломатический и консульский персонал Соединенных Штатов в Тегеране (Соединенные Штаты Америки против Ирана) (United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran), Judgment, I.C.J. Reports 1980, p. 20, para. 37.)*

Тот факт, что спор между сторонами возник по поводу и в контексте решения Соединенных Штатов выйти из СВПД, сам по себе не исключает того, что спор относится к толкованию или применению Договора о дружбе. Определенные действия могут относиться к сфере охвата более чем одного документа, и спор, связанный с этими действиями, может относиться к «толкованию или применению» более чем одного договора или прочих инструментов. В той степени, в которой меры, принятые Соединенными Штатами после их решения о выходе из СВПД, могут представлять собой нарушения определенных обязательств по Договору о дружбе, эти меры относятся к толкованию или применению этого Договора.

Суд считает, что, даже если было бы справедливым утверждение Ответчика о том, что решение Суда, поддерживающее претензии Ирана на основании Договора о дружбе, приведет к восстановлению ситуации, которая существовала, когда Соединенные Штаты все еще оставались участником СВПД, из этого не следует, что спор, переданный в Суд Ираном, касается СВПД, а не Договора о дружбе.

Суд отмечает, что Соединенные Штаты ясно дали понять, что они не утверждают, что наличие связи между спором и их решением о выходе из СВПД само по себе достаточно для того, чтобы помешать Суду признать, что он обладает юрисдикцией в отношении претензий Ирана по Договору о дружбе, или что юрисдикция по Договору исключается только потому, что спор является частью более широкого контекста, включающего СВПД. Аргумент Ответчика заключается в том, что сам предмет претензий Ирана в данном деле относится исключительно к СВПД, а не к Договору о дружбе. Суд не представляет, как он мог бы поддержать такой анализ, не исказив при этом претензии Ирана в том виде, как они были сформулированы Заявителем. Присущая Суду «обязанность выделить существенный вопрос по делу и определить предмет иска» не позволяет ему изменять предмет представлений, особенно если они были сформулированы четко и понятно. В частности, Суд не может делать вывод о предмете спора из политического контекста, в котором было возбуждено дело, и не исходить из того, о чем просит Заявитель.

По изложенным выше причинам Суд не может поддержать первое предварительное возражение по вопросу о юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами.

2. *Второе предварительное возражение против юрисдикции: «меры в отношении третьих стран»* (пп. 61–83)

Суд отмечает, что, по мнению Соединенных Штатов, Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения подавляющего большинства претензий Ирана, поскольку эти претензии относятся к мерам, которые в основном касаются торговли или сделок между Ираном и третьими странами или между их гражданами и компаниями и которые Соединенные Штаты характеризуют как «меры в отношении третьих стран», в то время как Договор о дружбе применим только к торговле и сделкам между Сторонами. В этой связи Суд напоминает, что, согласно его устоявшейся юридической практике, для определения своей юрисдикции *ratione materiae* в отношении арбитражной оговорки в случае споров, связанных с толкованием или применением договора, он не может ограничиться констатацией того, что одна из сторон утверждает, что такой спор существует, а другая сторона отрицает это. Он должен установить, подпадают ли действия, на которые жалуется Заявитель, под положения договора, содержащего оговорку об арбитраже. Это может потребовать толкования положений, определяющих сферу действия договора.

Суд отмечает, что возражение по поводу «мер в отношении третьих стран» касается не всех претензий Ирана, а только большинства из них. Действительно, Ответчик заявил, что одна из четырех категорий, на которые он делит меры, введенные или восстановленные в соответствии с президентским меморандумом от 8 мая 2018 года, не может быть охарактеризована как «меры в отношении третьих стран» и поэтому не включена во второе предварительное возражение против юрисдикции. Эта четвертая категория мер представляет собой отмену определенных действий, связанных с лицензированием, которые позволяли осуществлять определенные коммерческие или финансовые операции с Ираном в период осуществления СВПД. По словам Ответчика, упомянутые лицензии, которые были отозваны в соответствии с меморандумом от 8 мая 2018 года, отвечали интересам «субъектов, находившихся под юрисдикцией США», и их отзыв не был включен в рассматриваемое возражение.

Из этого следует, что даже если Суд поддержит второе возражение против юрисдикции — и если предположить, что он не примет ни одно из других предварительных возражений, каждое из которых касается всех претензий Ирана, — разбирательство не будет прекращено. В любом случае, Суду придется продолжить рассмотрение по существу в отношении категории мер, оспариваемых Ираном, которые, по мнению Соединенных Штатов, не являются «мерами в отношении третьих стран». Суд отмечает, однако, что в отношении этой категории Соединенные Штаты заявили, что они «оставляют за собой право утверждать» на более поздней стадии разбирательства, если оно продолжится, «что некоторые или все претензии Ирана, касающиеся отмены конкретных лицензионных действий, не относятся к сфере действия Договора».

Суд отмечает, что Стороны расходятся во мнениях относительно уместности концепции «мер в отношении третьих стран» и последствий, которые должны иметь место в случае применения такой концепции в рамках данного дела. Если, по мнению Соединенных Штатов, Суд должен признать, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения

большинства претензий Ирана, поскольку подавляющее большинство мер, на которые жалуется Заявитель, направлены против частных лиц, компаний или организаций, «не находящихся под юрисдикцией США», то Иран, с другой стороны, утверждает, что концепция «мер в отношении третьих стран» не имеет значения. По мнению Заявителя, необходимо изучить каждую категорию рассматриваемых мер, чтобы определить, подпадают ли они под действие различных положений Договора о дружбе, которые, как он утверждает, были нарушены.

Кроме того, Суд отмечает, что Стороны расходятся в толковании положений Договора, которые, как утверждает Иран, были нарушены Соединенными Штатами, в том, что касается территориального охвата и сферы действия этих положений. По мнению Ирана, положения, не содержащие прямого территориального ограничения, должны толковаться в целом как применимые к деятельности, осуществляемой в любом месте, тогда как, по мнению Соединенных Штатов, из объекта и цели Договора о дружбе следует, что он касается только защиты коммерческой и инвестиционной деятельности одной стороны или ее граждан или компаний на территории другой стороны или в контексте торговли между ними. Кроме того, Иран утверждает, что Договор запрещает Соединенным Штатам ущемлять права, гарантированные Ирану и иранским гражданам и компаниям, не только посредством мер, применяемых непосредственно к этим гражданам или компаниям или к «субъектам, находящимся под юрисдикцией США» в их отношениях с Ираном, но и посредством мер, которые направлены в первую очередь против третьей стороны, но реальная цель которых, однако, состоит в том, чтобы помешать Ирану, его гражданам и компаниям пользоваться своими правами по Договору. Соединенные Штаты оспаривают эту точку зрения.

Суд отмечает, что все меры, на которые жалуется Иран, — меры, введенные в действие или восстановленные в результате принятия президентского меморандума от 8 мая 2018 года, — направлены на ослабление экономики Ирана. Действительно, как следует из официальных заявлений самих властей Соединенных Штатов, Иран, его граждане и его компании являются объектом того, что Ответчик называет «мерами в отношении третьих стран», а также объектом мер, направленных непосредственно против иранских субъектов, и мер против «субъектов, находящихся под юрисдикцией США», которые имеют целью запретить таким лицам участвовать в сделках с Ираном, его гражданами или его компаниями.

Однако из вышеизложенного нельзя сделать вывод, что все рассматриваемые меры могут представлять собой нарушения обязательств Соединенных Штатов по Договору о дружбе. Решающий фактор в этой связи — это то, является ли по своей сути каждая из рассматриваемых мер — или категория мер — таковой, что она ущемляет права Ирана, основанные на различных положениях Договора о дружбе, которые, как утверждает Заявитель, были нарушены.

В то же время тот факт, что некоторые из оспариваемых мер — независимо от того, относятся ли они к «подавляющему большинству», как утверждают Соединенные Штаты, — непосредственно направлены против третьих государств или граждан или компаний третьих государств, не является достаточным основанием для того, чтобы они были автоматически исключены из сферы действия Договора о дружбе. Только посредством детального изучения каждой из рассматриваемых мер, их охвата и их фактических

последствий Суд может определить, влияют ли они на выполнение обязательств Соединенных Штатов, вытекающих из положений Договора о дружбе, на которые ссылается Иран, с учетом смысла и сферы действия этих различных положений.

В целом Суд считает, что второе предварительное возражение Соединенных Штатов касается охвата определенных обязательств, на которые ссылается Заявитель в настоящем деле, и затрагивает юридические и фактические вопросы, которые должным образом относятся к существу дела. Если последует рассмотрение дела по существу, то такие вопросы будут рассматриваться Судом именно на этой стадии, с учетом доводов, выдвигаемых сторонами.

В свете вышеизложенного Суд считает, что второе предварительное возражение против юрисдикции, выдвинутое Соединенными Штатами, не может быть поддержано.

*

В силу причин, перечисленных выше, Суд считает, что он обладает юрисдикцией *ratione materiae* для рассмотрения заявления Ирана на основании пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе 1955 года.

III. Приемлемость заявления Ирана (пп. 85–96)

Возражение против приемлемости, выдвинутое Соединенными Штатами, основано на утверждении о том, что «предъявление таких претензий Ираном представляет собой злоупотребление процессуальными нормами, что может привести к нарушению принципа справедливости и тем самым вызвать серьезные вопросы в отношении того, соблюдается ли судебная этика». Это объясняется тем, что «Иран сослался на Договор [о дружбе] в деле, связанном со спором, который касается исключительно применения СВПД». Суд отмечает, что Соединенные Штаты в ходе устных слушаний не упоминали свое возражение против приемлемости заявления Ирана, однако явно сохраняли это возражение.

Как Суд отмечал в прошлом, «только в исключительных обстоятельствах Суду следует отклонять претензии, основанные на действительном праве на юрисдикцию, на основании утверждения о злоупотреблении процессуальными нормами». Суд уточнил, что должны быть «явные доказательства» того, что действия Заявителя равносильны злоупотреблению процессуальными нормами.

В данном случае Суд отмечает, что он уже установил, что спор, инициированный Заявителем, касается предполагаемых нарушений обязательств по Договору о дружбе, а не применения СВПД. Суд также установил, что оговорка об арбитраже, включенная в Договор о дружбе, является действительным основанием для его юрисдикции в отношении претензий Заявителя. Если Суд в итоге установит по существу, что некоторые обязательства по Договору о дружбе действительно были нарушены, это не будет означать предоставление Ирану какого-либо «незаконного преимущества» в отношении его ядерной программы, как утверждают Соединенные Штаты. Такое решение будет основано на изучении Судом положений Договора, подпадающих под его юрисдикцию.

По мнению Суда, нет исключительных обстоятельств, которые бы оправдывали признание заявления Ирана неприемлемым на основании концепции злоупотребления

процессуальными нормами. В частности, тот факт, что Иран оспорил соответствие Договору о дружбе только тех мер, которые были отменены в связи с СВПД, а затем восстановлены в мае 2018 года, не упоминая при этом о других мерах, затрагивающих Иран и его граждан или компании, может быть обусловлено политическим решением. Впрочем, Суд, принимая решение, «не может заниматься вопросом политической мотивации, которая может побудить государство в какое-то определенное время или при каких-то определенных обстоятельствах избрать путь судебного урегулирования». В любом случае тот факт, что большинство претензий Ирана касаются мер, которые были отменены в связи с СВПД и позже восстановлены, не говорит о том, что подача этих претензий представляет собой злоупотребление процессуальными нормами.

В свете вышеизложенного Суд приходит к выводу о том, что возражение против приемлемости заявления, выдвинутое Соединенными Штатами, должно быть отклонено.

IV. Возражения на основании подпунктов b) и d) пункта 1 статьи XX Договора о дружбе (пп. 97–113)

Затем Суд переходит к возражениям, основанным на пункте 1 статьи XX Договора о дружбе, который гласит следующее:

«1. Настоящий Договор не препятствует применению мер:

.....

b) относящихся к расщепляющимся материалам, их радиоактивным побочным продуктам или их источникам;

.....

d) необходимых для выполнения обязательств Высокой Договаривающейся Стороны по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности или необходимых для защиты ее существенных интересов безопасности».

Суд напоминает, что в деле «Нефтяные платформы» (*Oil Platforms*) он постановил, что «статья XX, пункт 1 d) [Договора о дружбе] не ограничивает его юрисдикцию в данном деле, а сводится к предоставлению Сторонам возможной защиты по существу». Аналогичное мнение было высказано в деле «Некоторые иранские активы» (*Certain Iranian Assets*), где Суд отметил, что толкование, данное пункту 1 статьи XX в отношении подпункта d), также применимо к подпункту c), который касается мер, «регулирующих производство или оборот вооружений, боеприпасов и военной техники». Суд отметил, что в этом отношении «нет соответствующих оснований для проведения различия между [подпунктом c)] и подпунктом d) пункта 1 статьи XX». Суд считает, что также нет соответствующих оснований для проведения различия в отношении подпункта b), который всего лишь может обеспечить возможность для защиты по существу.

Суд отмечает, что стороны не оспаривают то обстоятельство, что аргументы, основанные на статье XX Договора о дружбе, не влияют ни на юрисдикцию Суда, ни на приемлемость заявления. Однако Ответчик утверждает, что возражения, сформулированные на

основании подпунктов *b)* и *d)* пункта 1 статьи XX, могут быть представлены в качестве предварительных в соответствии со статьей 79 Регламента Суда как «иное возражение, которое требуется разрешить прежде, чем будет продолжено рассмотрение дела по существу». Два возражения, выдвинутые Соединенными Штатами на основании подпунктов *b)* и *d)* пункта 1 статьи XX, не могут рассматриваться как предварительные по следующим причинам. Решение по этим аспектам требует анализа вопросов права и фактов, которые следует оставить на стадию рассмотрения дела по существу.

Заявитель утверждает, что подпункт *b)*, в котором говорится о мерах, «касающихся расщепляющихся материалов, их радиоактивных побочных продуктов или их источников», следует толковать как относящийся только к мерам, конкретно касающимся экспорта или импорта расщепляющихся материалов. Однако Ответчик утверждал, что подпункт *b)* применяется ко всем мерам любого содержания, касающимся ядерной программы Ирана, поскольку все они могут быть отнесены к использованию расщепляющихся материалов. Вопрос о значении, которое следует придать подпункту *b)*, и о его последствиях для настоящего дела не носит предварительного характера и должен быть проанализирован в рамках рассмотрения дела по существу.

То же самое касается мер, принятых Соединенными Штатами якобы потому, что они считаются «необходимыми для защиты их существенных интересов безопасности» и поэтому, как утверждается, входят в категорию мер, указанных в подпункте *d)*. Анализ этого возражения поднимет вопрос о наличии таких существенных интересов безопасности и может потребовать оценки разумности и необходимости упомянутых мер в той степени, в какой они затрагивают обязательства по Договору о дружбе. Такая оценка может быть проведена только на стадии рассмотрения дела по существу.

По вышеизложенным причинам аргументы, выдвинутые Ответчиком в отношении подпунктов *b)* и *d)* пункта 1 статьи XX Договора о дружбе, не могут служить основанием для предварительных возражений, но могут быть представлены на стадии рассмотрения дела по существу. Поэтому предварительные возражения Соединенных Штатов, основанные на этих положениях, должны быть отклонены.

Постановляющая часть (п. 114)

Суд

1) единогласно

отклоняет выдвинутое Соединенными Штатами Америки предварительное возражение против его юрисдикции, согласно которому предмет спора не относится к толкованию или применению Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года;

2) единогласно

отклоняет выдвинутое Соединенными Штатами Америки предварительное возражение против его юрисдикции, которое касается мер в отношении торговли или сделок между Исламской Республикой Иран (или иранскими гражданами и компаниями) и третьими странами (или их гражданами и компаниями);

3) пятнадцатью голосами против одного

отклоняет предварительное возражение, выдвинутое Соединенными Штатами Америки относительно приемлемости заявления;

голосовали за: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюз; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Момтаз;

против: судья *ad hoc* Брауэр;

4) пятнадцатью голосами против одного

отклоняет предварительное возражение, выдвинутое Соединенными Штатами Америки на основании подпункта 1 *b*) статьи XX Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года;

голосовали за: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюз; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Момтаз;

против: судья *ad hoc* Брауэр;

5) единогласно

отклоняет предварительное возражение, выдвинутое Соединенными Штатами Америки на основании подпункта 1 *d*) статьи XX Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года;

б) пятнадцатью голосами против одного

устанавливает вследствие этого, что на основании пункта 2 статьи XXI Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года он обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления, поданного 16 июля 2018 года Исламской Республикой Иран, и что указанное заявление является приемлемым.

голосовали за: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюз; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Момтаз;

против: судья *ad hoc* Брауэр.

*

Судья Томка приложил заявление к Решению Суда; судья *ad hoc* Брауэр прилагает к Решению Суда особое, частично совпадающее и частично несовпадающее, мнение.

*

* *

Заявление судьи Томки

Проголосовав в поддержку выводов, сделанных Судом, судья Томка хотел бы высказать некоторые замечания по поводу того, как Суд отнесся ко второму предварительному возражению, выдвинутому Соединенными Штатами. Согласно этому возражению, Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения подавляющего большинства претензий Ирана, поскольку эти претензии относятся к мерам, которые в основном касаются торговли или сделок между Ираном и третьими странами или между их гражданами и компаниями, в то время как Договор о дружбе 1955 года применим только к торговле между двумя государствами-участниками или их компаниями и гражданами.

Хотя стороны в своих письменных состязательных документах и в ходе слушаний уделили много внимания анализу положений, на которые ссылается Иран, Суд так и не проступил к их анализу и толкованию. Он просто отклоняет второе предварительное возражение, выдвинутое Соединенными Штатами, оставляя в то же время открытой возможность для Сторон оспорить «юридические и фактические вопросы», поднятые в связи с предварительным возражением, на стадии рассмотрения дела по существу.

По мнению судьи Томки, подход, примененный Судом в данном деле, является неудовлетворительным, поскольку он не согласуется с подходом, которого Суд придерживался в своей предыдущей судебной практике по тому же Договору. Юридический вопрос, который Суд должен был решить на данном этапе разбирательства, заключается в том, предоставляет ли Договор о дружбе 1955 года Ирану (и его гражданам или компаниям) право не быть в ситуации, когда меры со стороны Соединенных Штатов влияют на его торговые, коммерческие или финансовые отношения с третьими государствами (и их гражданами или компаниями).

Особое, частично совпадающее и частично несовпадающее, мнение судьи *ad hoc* Брауэра

Судья *ad hoc* Брауэр присоединяется к единогласному отклонению Судом двух предварительных возражений Ответчика в отношении юрисдикции, а также возражения, основанного на подпункте *d*) пункта 1 статьи XX Договора о дружбе. Однако он не согласен с выводом Суда о том, что заявление Ирана является приемлемым, а также с отклонением Судом возражения Соединенных Штатов на основании подпункта *b*) пункта 1 статьи XX.

Судья *ad hoc* Брауэр считает, что заявление Ирана должно было быть признано неприемлемым как злоупотребление процессуальными нормами, поскольку Иран требует от Суда юридически обязательного решения, принуждающего Соединенные Штаты выполнить свои обязательства по не имеющему обязательной юридической силы СВПД, в то время как Иран будет по-прежнему волен не соблюдать положения этого документа (в чем он уже признался). Это даст Ирану незаконное преимущество.

Судья *ad hoc* Брауэр отмечает, что в своем решении Суд уделил мало внимания злоупотреблению процессуальными нормами. В частности, быстро отбросив вопрос о значимости выбора Ирана оспаривать только те санкции, которые были сняты в соответствии с СВПД (а не многие другие санкции, применяемые в отношениях между Соединенными Штатами и Ираном), охарактеризовав это как простое «политическое решение», Суд избежал непосредственного анализа сути стратегии Ирана.

Подход Суда в данном деле продолжает его давнюю практику, когда Суд не дает никакого определения концепции злоупотребления процессуальными нормами или стандартов для применения этой концепции. За 95 лет, прошедших с момента первого обсуждения предшественником Суда смежной концепции злоупотребления правами, Суд неоднократно отказывался внести вклад в существенное развитие этого принципа, равно как и принципа злоупотребления процессуальными нормами, несмотря на то что имел много возможностей сделать это. С недавних пор Суд ввел в употребление и часто упоминал критерии «исключительных обстоятельств» и «явных доказательств», однако значение этих терминов остается неоднозначным. По мнению судьи *ad hoc* Брауэра, Суду следовало бы уточнить принцип злоупотребления процессуальными нормами и доказательственное условие для его принятия.

Судья *ad hoc* Брауэр считает, что решение Суда в данном деле не объявлять заявление Ирана неприемлемым, в совокупности с 95-летней практикой крайне невнимательного отношения со стороны Суда и его предшественников к концепции злоупотребления процессуальными нормами, лишит государства стимула стремиться к мирному разрешению споров с помощью средств, которые не имеют обязательной силы и которые иногда, как в случае с СВПД, являются единственным доступным средством.

Что касается возражения Соединенных Штатов по подпункту *b*) пункта 1 статьи XX Договора о дружбе, то судья *ad hoc* Брауэр считает, что оно должно было быть рассмотрено как обоснованное предварительное возражение и должно было привести к отклонению претензий Ирана.

Судья *ad hoc* Брауэр согласился с мнением большинства как в данном деле, так и в деле «Некоторые иранские активы», что возражения Соединенных Штатов по подпункту *d*) должны быть изучены на стадии рассмотрения дела по существу. Однако судья *ad hoc* Брауэр считает, что формулировка подпункта *b*), который применяется к мерам, «относящимся к расщепляющимся материалам», гораздо шире, чем формулировки других подпунктов пункта 1 статьи XX. По его мнению, учитывая словарные определения терминов “to relate” («относиться, иметь отношение») и “fissionable” («расщепляющийся»), очевидно, что меры, касающиеся ядерного оружия и ядерного распространения, являются мерами, «имеющими отношение к расщепляющимся материалам». Более того, официальные заявления высокопоставленных должностных лиц обеих сторон, в том числе в контексте СВПД и в ходе данного разбирательства, подтверждают, что санкции, о которых идет речь в данном деле, являются санкциями, «связанными с ядерной сферой» (“nuclear-related”).

Судья *ad hoc* Брауэр отмечает, что Суд не анализировал подпункт *b*) в соответствии со статьей 31 Венской конвенции о праве международных договоров, а всего лишь применил к подпункту *b*) подход, который он ранее применял к другим подпунктам пункта 1 статьи XX. По мнению судьи, применение статей 31 и 32 Венской конвенции к подпункту *b*) было бы оправданным и привело бы к выводу, что возражение Соединенных Штатов в соответствии с этим положением должно быть поддержано, а претензии Ирана отклонены.